

Спустя три года после того дня, помимо тренировок, Лоу Цинкун каждый день следовал за Наставником, изучая музыку, стратегические игры, каллиграфию и живопись. Как говорил Наставник, музыка облагораживает чувства, игра оттачивает разум, каллиграфия формирует характер, а живопись успокаивает и концентрирует дух.

Если же целыми днями только и делать, что усердствовать в боевых искусствах, в конце концов сузится кругозор, обмелеет душа, манеры станут грубыми, речь — презренной, познания — скудными, а взгляд на вещи — поверхностным. При дурных же стремлениях и вовсе не познать благородства и рыцарского долга!

С другой стороны, Лао Байвэй домогался его все эти долгие годы, но безуспешно. Впрочем, благодаря усердию, прекрасный Наставник по крайней мере перестал питать к нему отвращение! [По его собственному мнению]

Помимо этого, Лао Байвэй время от времени тайком подбивал клинья к Лоу Цинкуну, пытаясь заполнить всю искреннюю любовь того без остатка.

Хотя он уже твёрдо решил укокошить Лоу Цинкуна, чтобы занять его место и стать главным героем, стоило вспомнить о вещице, оставленной матерью Лоу Цинкуна и хранившейся у того в руках, как Лао Байвэй решил, что ради этого стоит и поступиться гордостью. Однако противник, казалось, ещё во всём этом не смыслил: обычные заигрывания, вроде закидывания руки на плечо, щекотки по ладони и даже неоднократные предложения вместе сходить искупаться и потерять друг другу спину, тот воспринимал с простодушной готовностью. Вот только не успевал Лао Байвэй хоть что-то предпринять, как Лоу Цинкун наспех возился с мытьём и нёсся добывать для Наставника дичь.

Хех, прекрасный Наставник ведь терпеть не может мясо и годами питается лёгкой пресной пищей, а теперь этот бестолковый ученик каждый день докучает ему, принуждая есть мясное! Наверное, Наставнику уже давно всё это осточертело, просто по своему холодному нраву он не желает об этом говорить!

Правда же заключалась в том, что все эти годы Линьху Фэн устал от навязчивого внимания Лао Байвэя. Взрослый мужчина, который целыми днями околачивался перед ним с несчастным, обиженным видом брошенной девицы, действительно сильно раздражал. К тому же хотелось хоть немного успокоить Лао Байвэя, чтобы тот ненароком не свернул шею и не натворил какой-нибудь глупости, так что ему просто бросили какую-то заурядную технику культивации, молчаливо разрешив следовать за ними и тренироваться, хотя особого обучения не проводилось. Что же до Лоу Цинкуна, то тот измотал Лао Байвэя своими просьбами, и Наставник изредка давал ему пару подсказок, но Лоу Цинкун был не глуп и знал мысли Наставника, а потому эти редкие наставления всегда не выходили за рамки дозволенного и не нарушали ни единого правила.

Благодаря этому Лао Байвэй смог со спокойной душой обосноваться в долине. Впрочем, возможно, дело было ещё и в том, что он при всём желании не смог бы оттуда выбраться в одиночку. Долина со всех сторон была окружена горами, а с одной стороны и вовсе возвышалась отвесная скала — та самая, с которой когда-то сорвались Лоу Цинкун и Лао Байвэй.

Хотя Лао Байвэй знал о пронизывающей гору карстовой пещере, через которую на небольшой лодке можно было выбраться из долины, покружив там какое-то время и ничего не добившись, он бросил эту затею, решив вместо этого воспользоваться моментом, чтобы лучше заработать расположение прекрасного Наставника, и одновременно с этим предпринять

пробные попытки завладеть штуковиной, что была у главного героя.

Наступил вечер.

Линьху Фэн с довольным видом вложил меч в ножны. Главный герой есть главный герой, его одарённость была поистине необычайной: даже начав серьезно обучаться боевым искусствам лишь в пятнадцать лет, спустя всего три года он уже превзошел подавляющее большинство мастеров цзянху второго эшелона. Линьху Фэн мысленно отметил: судя по всему, в ближайшие дни нужно будет придумать способ отправить главного героя за пределы долины, ведь снаружи его поджидали уготованные судьбой возможности!

В этот момент Лао Байвэй, заметив, что спарринг окончен, тоже прекратил свои беспорядочные выпады с мечом, подошёл ближе и с напускной, непринужденной улыбкой произвел:

— Брат Лоу, кажется, ты уже оправдал все ожидания учителя! Никогда еще не видел у него такого довольного выражения лица.

Произнося эти слова, он, однако, не сводил глаз с Линьху Фэна, стоявшего со скрещенными за спиной руками.

После трёх лет совместной жизни и навязчивой идеи о том, что прекрасный Наставник принадлежит только ему, нынешний Лао Байвэй уже не думал о гаремах, как в первые дни своего попадания в этот мир. Он искренне уверовал, что пылает к Наставнику истинной любовью, и теперь добровольно отказывался от всех красавцев Поднебесной ради этого единственного источника, всякий раз думая про себя, что он и впрямь человек постоянный и преданный.

Заметив, что Линьху Фэн слегка нахмурился, Лао Байвэй тут же с непринужденным видом перевёл взгляд на Лоу Цинкуна и продолжил:

— Брат Лоу, мы падаем со скалы уже больше трех лет. Все это время я оставался здесь, думая, что не могу бросить тебя одного, но день и ночь тоскую по дому. Наверняка мои родные уже думают, что мы погибли при падении. Разве нам не пора вернуться, чтобы сообщить им, что мы живы, и успокоить семьи?

На лице Лао Байвэя играла изысканная, исполненная достоинства улыбка [по его собственному мнению], в то время как в душе он лихорадочно размышлял: раньше он панически боялся нарушить сюжет и лишиться своего преимущества, а все последние годы Лоу Цинкун неотступно ходил хвостиком за прекрасным Наставником, не давая ему ни малейшего шанса подстроить какой-нибудь несчастный случай и прикончить главного героя. Теперь же время подходило идеально, и уговорить его уйти должно было получиться без риска разрушить весь сюжет.

К тому же, если ты не уйдёшь, то как отцуатица мне продолжать сюжет и прикончить тебя? В темнице особняка лидера союза уже томится дряхлый старик, который только и ждет, кому бы передать силу всей своей жизни!

Услышав это, Лоу Цинкун почувствовал лёгкое волнение. Хотя в семье Лоу не было никого, кому он по-настоящему тосковал, единственная старшая сестра уже много лет назад вышла замуж. Когда-то в детстве он таил обиду на сестру за её эгоизм — за то, что она бросила его одного в этом логове тигров и волков и ушла. Теперь же, повзрослев и пройдя через наставления учителя за последние годы, он уже не мыслил столь узко, а искренне хотел

вернуться и рассказать сестре, что живёт хорошо, что теперь у него есть любящий и заботящийся о нём Наставник, и он надеется, что она тоже сможет обрести своё счастье.

Впрочем, стоило Лоу Цинкуну поддаться этому мимолетному порыву, как он тут же нахмурился и перевёл взгляд на Наставника. Одной лишь мысли о том, что придется расстаться с Наставником, было достаточно, чтобы его сердце сжалось от невыносимой боли — в тысячу и десять тысяч раз сильнее, чем в день замужества сестры!

Взгляд Линьху Фэна слегка дрогнул. Заметив, что возмужавший главный герой вовсе не рвется поскорее покинуть это место, чтобы отправиться на поиски приключений, а вместо этого смотрит на него с ожиданием, трепетом и нерешительностью, он почувствовал легкую сдавленность в груди. Впрочем, с подобным Линьху Фэну доводилось сталкиваться не раз: поначалу все, кому предстоит покинуть привычную обстановку, испытывают нечто подобное, но стоит им оказаться во внешнем мире и стремительно вырасти над собой, как они расправляют крылья и устремляются навстречу яркой жизни — кто тогда станет вспоминать о крошечном затерянном уголке и тосковать в его тесноте?

И всё же...

Столкнувшись с подобным, Линьху Фэн впервые в жизни ощутил редкое колебание и нежелание отпускать человека. Если главный герой уйдет, то кто каждый день за обеденным столом будет с таким упорством подкладывать ему лучшие куски мяса и каждые день-два бегать в горы за добычей, чтобы запечь её и выразить своё почтение? К тому же кулинарный талант главного героя в приготовлении мяса... поистине не имел себе равных.

Переведя взгляд на коварно зыркающего по сторонам Лао Байвэя, Линьху Фэн внезапно озарился идеей, нащупав идеальный способ убить двух зайцев разом. Ощущение нежелания расставаться с главным героем [и его кулинарными талантами] мгновенно испарилось, лицо его стало холодным и отстраненным, и он чуть заметно кивнул:

— Пожалуй, вам действительно пора покинуть долину. Занятия боевыми искусствами не должны превращаться в затворничество. Цинкун, ты уже постиг основы, и дальнейшие тренировки в замкнутом пространстве не помогут тебе вырасти, пришло время выйти в мир и пройти через испытания.

С этими словами, не дав Лоу Цинкуну вставить и слова, он сделал короткую паузу и произнес непреклонным тоном:

— Итак, завтра на рассвете вы выступаете.

Услышав это, Лоу Цинкун по идее должен был обрадоваться, но, видя, что Наставник остался совершенно равнодушен к его уходу, он, даже зная привычки учителя, почувствовал в груди странную, тягостную боль.

Неужели он и впрямь так мало значит для Наставника? Ведь каждый раз, стоило Наставнику увидеть мясо, его лицо оставалось бесстрастным и спокойным, но эти длинные, чуть раскосые звёздчатые глаза цвета светлого янтаря неизменно загорались и оживлялись!

Неужели в глазах Наставника он ценится даже меньше, чем кусок мяса? [*(□y▽,□) ∟ Какая печальная истина...]

Да уж, едва ступив на эти земли и не прожив здесь и полмесяца, Лоу Цинкун понял, что Наставник, который, по словам А Цзю, якобы питался исключительно пресной пищей и на дух

не переносил мясо, на самом деле был отъявленным мясоедом, чьи глаза загорались при одном лишь виде мясных блюд. Лоу Цинкун испытывал смешанные чувства по поводу этого открытия, однако с той поры вечно холодный Наставник стал казаться ему куда более милым.

Видя, что Наставник словно бы смущается и всеми силами пытается скрыть эту свою слабость, тактичный и добрый по своей природе Лоу Цинкун не стал выдавать своего открытия. Он продолжал приговаривать: Наставнику нужно есть побольше мяса, чтобы быть здоровым, — и тем самым «принуждал» учителя съедать то, что он ему подкладывал. Вдобавок каждые несколько дней Лоу Цинкун запекал для наставника дичь, источавшую невероятный аромат, и вновь «заставлял» того «поневоле» принимать ученическую заботу. Всякий раз, глядя на то, как Наставник хмурит брови, но при этом смотрит сияющими, лишенными привычной холодности глазами, Лоу Цинкун предавался невинной шалости, испытывая глубокое удовлетворение от ощущения, будто он откармливает своего учителя.

Однако Лоу Цинкун привык беспрекословно подчиняться решениям Наставника. А потому он лишь поджал губы, с унылым видом сложил руки в приветственном жесте перед учителем и повернулся, направляясь вглубь гор. Завтра он уходит, а Наставник так странно смущается и ни за что не признается в своих истинных слабостях... Нужно пойти и настрелять побольше дичи, оставить её на кухне, а заодно ещё раз строго-настрого наказать А Цзю, чтобы тот непременно как следует «уговаривал» Наставника есть мясо.

Кажется, Наставник особенно любит цзяохуа-цзи? В прошлый раз, съев целую птицу и явно не до конца насытившись, он бросил на него взгляд полный затаенной обиды. Но есть слишком много жареного за раз вредно для здоровья. Сделаем исключение, и в этот раз он приготовит для Наставника сразу две штуки!

К слову, об этой курице нищего Наставник упомянул сам, когда у него выдался редкий прилив хорошего настроения после того, как он уплет за обе щеки приготовленную им курицу в медовом маринаде, и поделился рецептом. Вспоминая тот вечер, когда на фоне ярко-алого заката Наставник с бесстрастным лицом и сияющими от удовольствия и удовлетворения глазами смотрел вдаль и своим прохладным голосом рассказывал о незнакомых тому блюдах, Лоу Цинкун почувствовал, как у него на душе стало чуточку легче. Такого Наставника, который обнажал эту сторону своего характера только перед ним, видел лишь он один. И лишь он один открыл эту сторону Наставника...

Разве он, в глазах Наставника, тоже нечто особенное?

Ах, юноша, ты действительно особенный! Наконец-то попался главный герой, который за столько времени выполнения заданий Линху Фэна так прекрасно готовит мясо, обладает невероятным терпением, проявляет столь долгое и неустанное усердие и ни разу не забыл вовремя покормить его!

Если бы рядом не околачивалась Лао Байвэй, то и дело навязывающаяся на глаза и напоминающая Линху Фэну о том, что на нём всё ещё висит задание, он бы и вовсе позабыл обо всём на свете!

Наступила ночь. Линху Фэн в лёгких одеждах сидел при свете свечи и мягким белоснежным платком тщательно протирал свой излюбленный меч. Ножны меча были тёмными и непримечательными, но клинок сиял ослепительной белизной, словно яркая луна в ночном небе. Этот меч звался Чжаньюэ, и именно ему суждено было в будущем неотступно следовать за главным героем. Из-за двери слышался стук. Линху Фэн уже давно уловил шаги Лоу Цинкуна, остановившиеся у его порога, однако никак не ожидал, что тот будет сомневаться

почти целую палочку благовоний, прежде чем решится постучать.

Быть может, глубина чувств и нежелание расставаться у этого парня были куда сильнее, чем он сам себе представлял...

Лоу Цинкун долго бродил туда-сюда за дверью. По правде говоря, он и сам толком не понимал, зачем пришёл к Наставнику и что ему сказать. Но, ворочаясь в постели битый час, он просто не мог совладать с томившим его сердцем стремлением увидеть Наставника.

Неужели он втайне надеялся, что Наставник попросит его остаться? Или желал услышать от Наставника слова сожаления о разлуке? Если бы на лице и во взгляде Наставника мелькнуло хотя бы малейшее проявление привязанности, он бы, пожалуй, тут же поднял руку и поклялся, что лишь выберется из долины, чтобы успокоить сестру, и тут же со всех ног помчится обратно!

Увы, Лоу Цинкуна жгло разочарование.

Услышав из комнаты холодное «Войди», Лоу Цинкун на мгновение замер, но всё же поднял руку и толкнул дверь.

При мягком жёлтом свете лампы хрупкий на вид мужчина пристально вглядывался в длинный меч. Его появление даже не заставило того удостоить его хотя бы мимолётным взглядом. Черты лица мужчины были изящными; днём царившая вокруг него ледяная аура заставляла окружающих не сметь и помышлять о каком-либо неуважении, но теперь, мягко озарённая светом свечи, суровая строгость в уголке его глаз и на брови смягчилась, приобретя едва уловимый оттенок нежности и тепла.

Судя по всему, мужчина только что искупался: его длинные, спадающие до самых бёдер волосы ещё хранили влагу, из-за чего на спине и талии проступала прозрачная ткань, сквозь которую смутно угадывались упругие контуры мышц, а также лёгкая впадинка чуть ниже тонкой талии. Лоу Цинкун почувствовал, как от необъяснимого жара его глаза налились кровью. В панике отводя взгляд от Наставника, он заметил, что тот, ничего не подозревая, продолжает сосредоточенно изучать клинок. С одной стороны, юноша с облегчением выдохнул, но с другой — в груди шевельнулось смутное чувство утраты.

Заметив, что гость не спешит нарушать молчание, Линху Фэн отложил платок и хотел было сам налить себе чашку прохладного чая. Стоило ему протянуть руку, как Лоу Цинкун стремительно подался вперед, ловко схватил чайник, наполнил чашку для Наставника и с привычной естественностью поднёс её к слегка приподнятой ладони Линху Фэна.

Линху Фэн совершенно естественно сделал глоток. И лишь когда чашка отделилась от губ, он осознал недавний жест, на мгновение замер, поставил чашку на стол и неожиданно легко вздохнул:

— Эти несколько лет ты так заботливо ухаживал за наставником, но теперь я даже не знаю, сколько времени у меня уйдет на то, чтобы отвыкнуть от этой привычки.

Линху Фэн имел в виду то время, когда он завершит задание или когда главный герой повзрослеет и больше не захочет унижаться подобными делами. Однако Лоу Цинкун принял это за проявление чувств Наставника по поводу его завтрашнего отъезда. Услышать от Наставника столь редкие слова — пусть выражение лица и оставалось прежним, холодным, а голос звучал бесстрастно, без малейших колебаний эмоций — было выше его сил, и сердце в груди забило от дикого восторга.

Лоу Цинкун сглотнул вставший в горле ком, изо всех сил пытаясь унять бушующее в душе волнение:

— Тогда я вообще не уйду от Наставника! Хотите, я буду всю жизнь вот так заботиться о Вас?

Произнеся эти слова, Лоу Цинкун почувствовал, как собственные щеки обжигает жаром. Но он говорил чистую правду: стоило Наставнику лишь слово молвить, как он непременно остался бы рядом и искренне, от всего сердца заботился о нём до конца своих дней!

Линху Фэн же пропустил всё мимо ушей, не придавая сказанному никакого значения. Будучи Сыном Удачи этого мира, Лоу Цинкун в будущем обрстет не только толпой преданных братьев и верных друзей, но и целым гаремом возлюбленных. Чего уж говорить, ведь завтра при выходе из долины его будет ждать прекрасная девушка, которая уже питает к нему нежные чувства. Подобные речи — не более чем пустые слова: тот, кто принимает их за чистую монету, — круглый дурак.

Поэтому Линху Фэн попросту проигнорировал это заявление, поднялся на ноги и произмолвил:

— Поздно уже. Завтра чуть свет предстоит выступить в путь. Когда будете покидать долину, А Цзю укажет вам дорогу, а я не пойду. Ступай к себе и отдыхай. Лоу Цинкун послушно поднялся на звуки голоса, разочарованно опустив голову. Все эти годы он держался сдержанно, зрело и замкнуто, и такой по-детски наивный вид заставил Линху Фэна с легким любопытством разглядывать его лишнюю пару мгновений.

Лоу Цинкун дошел до двери, но вдруг резко развернулся, в несколько шагов оказался перед Линху Фэном и крепко-крепко обнял его. И только в этот момент Линху Фэн заметил, что юноша, который раньше едва доставал ему до подбородка, теперь вырос и стал выше него почти на полголовы.

Обняв наставника, Лоу Цинкун разомкнул руки, отступил на полшага, вытащил из-за пазухи нефритовую подвеску и сунул ее в ладонь Линху Фэну. Эту подвеску Лоу Цинкун носил у груди больше десяти лет, доставая погладить только поздней ночью, и, кроме старшей сестры и покойной матери, об украшении не знал никто на свете.

Нефрит был простого качества, но обладал теплым матовым блеском, а кожа ощущала исходящую от него едва заметную, обжигающую животворную теплоту. Линху Фэн опустил взгляд на подвеску, его пальцы чуть дрогнули: это же...

Сердце Лоу Цинкуна забилось в диком, неукротимом ритме, щеки пылали огнем. Смущенно уткнувшись взглядом в ворот одежды Наставника, он тихо проговорил:

— Эту, эту вещь нельзя назвать редким сокровищем, но... это единственное, что оставила мне мать перед смертью. Я, я бы хотел оставить ее у Наставника. Скоро, совсем скоро я вернусь сюда...

С этими словами он робко поднял глаза, пытаясь уловить выражение лица Линху Фэна.

Линху Фэн нахмурился. Вообще-то, это был важнейший сюжетный предмет главного героя. Мать протагониста казалась дочерью заурядного аристократического клана, которой

посчастливилось занять высокое положение, выйдя замуж за представителя семьи Лоу. Но если вспомнить, каким человеком был отец Лоу Цинкуна, с какой стати ему из-за какой-то там любви жениться на женщине из мелкого клана и делать ее законной женой? Как выяснилось, мать Лоу Цинкуна на самом деле была старшей принцессой государства Чжао, которое десяток лет назад было уничтожено великой империей Даянь. Правитель Чжао тайком отправил старшую дочь в Даянь. Сначала семья Лоу втайне поддерживала Чжао, державшую верх в войне между двумя странами, но кто же знал, что вскоре старый император Даянь умрет, а вззошедший на престол правитель проявит железную волю и всего за несколько лет сотрет Чжао с лица земли. Опасаясь, как бы император не узнал об их тайной поддержке Чжао, семья Лоу среди ночи сжила со свету мать Лоу Цинкуна. И они даже не подозревали, что на плечах этой старшей принцессы лежала тяжелая ноша возрождения Чжао и что в ее руках находилось последнее несметное сокровище павшего государства. Перед смертью она могла лишь отдать сыну нефритовый кулон, но понимала, что нынешний император Даянь — правитель на редкость грозный и искусный, и возродить Чжао теперь сложнее, чем подняться в небеса. Не желая, чтобы ребенок нес это обреченное на провал бремя, принцесса перед смертью скрыла подробности, оставив сыну кулон лишь на память.

Разумеется, будучи великим героем Цзянху, в самом конце главный герой увидит, что простой народ живет в мире и достатке, и добровольно передаст это богатство нынешнему императору Даянь. И дело вовсе не в том, что главный герой в оригинальном сюжете был глупым маменькиным сынком или всепрощающим святошей... кхе, просто главный герой случайно увел у императора любимую драгоценную дочь. Ради возлюбленной любой герой неизбежно сочтет золото сущим мусором, да и сам он по природе своей был человеком благородным, героическим и бескорыстным, радеющим за страну и народ.

Конечно же, принимать столь важный предмет Линху Фэн не собирался. И хотя Лоу Цинкун говорил, что оставляет вещь на временное хранение, Линху Фэн вовсе не верил, что тот вскоре вернется и продолжит околачиваться в этой глуши — иначе история превратилась бы в какой-то роман про земледелие?!

Но Лоу Цинкун, не дожидаясь отказа, легким ветром выскочил за дверь, на ходу выкрикивая:

— Решено, Наставник! Время позднее, я пойду спать в свою комнату!

Линху Фэн не успел его остановить. Ему оставалось лишь поднять за резную петельку нефритовый кулон с вырезанным фениксом среди облаков, слегка качнуть его на кончиках пальцев и подумать про себя: впрочем, завтра главный герой все равно уйдет, а следом за ним отправлюсь и я, так что невелика беда.

Изначально Линху Фэн планировал проводить главного героя по сюжету, но, мельком взглянув на Лао Байвэй, тут же вспомнил об этом источнике нестабильности. За прошедшие годы Линху Фэн уже подтвердил личность этого человека: тот оказался обычным пришельцем из другого мира, чья душа случайно пересекла пространственно-временной узел и угодила в этот мир, причем этот чужак обладал на редкость детальными знаниями о здешних местах. Линху Фэн лишь выжидал удобного момента, чтобы устранить этот фактор нестабильности. И раз уж Лао Байвэй сам завел речь об уходе, скорее всего, им движет желание ухватиться за нити судьбы и попытаться похитить Сэра Удачи. Что ж, тогда настанет самое подходящее время для расправы.

Судьба Сына Удачи принадлежит ему по праву, и если кто-то попытается насильно отнять ее без искреннего согласия владельца, он неминуемо нарушит волю Небесного Пути. Чем яростнее будут помыслы и попытки похитить чужую удачу, тем страшнее окажется ответный удар Небесного Пути. Взять хотя бы тех пушечных мясов и злодеев из бесчисленных миров: возможно, они и не планировали отнимать удачу у Сына Удачи нарочно, но стоило им только заронить в душу такую мысль и перейти к действиям, как они немедленно получали по заслугам.

<http://bllate.org/book/21694/2237551>